

УДК 171

DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-95-102

Р. Л. КОЧНЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

ПОВЕСТЬ О НЕНАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ: ТОЖДЕСТВО ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

В статье анализируется понятие личности, как оно может быть сформулировано в рамках экзистенциальной философии; с этих позиций критикуется нарративная теория тождества личности. Предлагается альтернативный вариант описания личности, который будет удовлетворительным как для аналитической, так и для экзистенциальной мысли.

Ключевые слова: тождество личности, нарративный подход, автобиография, аналитическая философия, экзистенциализм, Локк, Парфит.

1. Тождество личности и нарративный подход.

Справедливость наказания, по мнению Джона Локка, основывается на тождестве личности, которая ему подвергается [1, с. 394–396]. Локк превратил в проблему то, что ранее казалось самоочевидным фактом — наше собственное тождество в течение времени: ведь если некто не может признать, кто совершил преступление, тогда мы произвольно наказываем случайного человека. Однако предложенный им вариант тождества, основанный на личной памяти, находится в прямой зависимости от принятой нами концепции личности. Описывая личность определённым образом, мы тем самым не только навязываем ей некоторые характеристики и критерии тождества, но также и формируем определённый способ отношения к ней. Свидетельством этого служит сам пенитенциарный смысл локкеанской личности, чья эгологичность востребована юридически¹. Но что если дать описание личности, которое не предполагает подобного «сильного» смысла, можем ли мы тогда говорить о её тождестве? Получится ли в таком случае выстроить моральную концепцию отношения к ней?

Среди современных теорий тождества личности наиболее близкой к локкеанской позиции считается довольно популярный среди современных исследователей *нарративный подход*². Странники подобного взгляда на личность рассматривают её как продукт нарративного производства, другими словами, личность возникает в процессе повествования (в первую очередь, безусловно, автобиографического), которое конденсирует опыт и переживания конкретной личности³. Характерные для прежних

споров вопросы способов реидентификации личности здесь подменяются возможностями её характеристики. Например, личность P_2 при таком подходе считается ответственной за действия личности P_1 , если мы можем связать характеристики двух этих личностей между собой [8, с. 167]. Именно для того, чтобы «зафиксировать» характеристики личности, и используется нарратив, т.е. описание определённой последовательности событий, которым при этом давалось бы объяснение со стороны агента действий (т.е. рассказ не должен состоять исключительно из одних только «протокольных предложений», но в нём должны просматриваться личностные ценности и ориентиры). Очевидно, что подобное описание возможно, в первую очередь, «от первого лица», что и связывает нарративный подход с локкеанской теорией примата памяти в вопросах личного тождества [1, с. 400]. Таким образом, личность, которая соглашается с определённым нарративом о себе, принимает и моральные обязательства за действия, которые ей предписываются повествованием. Несмотря на свою очевидную антиреалистичность, нарративный подход предполагает ряд довольно тесно связанных между собой требований — внешних и внутренних — по отношению к самой конструкции нарратива:

1) наиболее очевидным является требование *интеллигибельности* нарратива. Другими словами, чтобы рассказ вообще был изложен и правильно воспринят другими людьми (т.е. чтобы они сочли его правдоподобным), он должен осознаваться самим автором. Этого требует и сам рассказ, в котором мои ментальные состояния становятся причиной

определённых поступков, которые характеризуют меня — мою личность. Яркая представительница нарративного подхода Мария Шехтман прямо утверждает, что «[личность] должна быть способной объяснить, почему она делает то, что делает, почему имеет такие убеждения и чувствует то, что чувствует» [9, р. 114];

2) если человек осознаёт свои чувства и действия, его рассказ будет иметь определённую структуру «начало-середина-окончание». Такая очевидная последовательность в структуре изложения является ещё одним требованием к нарративу. Это прямо следует из требования интеллигибельности: ничто из совершаемых мной поступков не может оцениваться отдельно от преследуемых мною жизненных целей (важность подобной интенциональности в области морального действия подчёркивалась, в частности, Иммануилом Кантом). Отсутствие подобной телеологической направленности лишает меня, как личность, целостной структуры, ведь вне конкретного целевого контекста события моей жизни не могут осознаваться. Рассмотрим для примера один из мыслительных экспериментов, который приводит Шехтман. Опираясь на похожие эксперименты Дерекы Парфита, она конструирует образ молодой барышни, которая вела разгульный образ жизни, но со временем изменилась, вышла замуж, обзавелась хозяйством, детьми и статусом в обществе. Пользуясь терминологией самой Шехтман, первое состояние можно обозначить как Тусовщица, а второе — как Уважаемая Матрона [10, р. 97]. В отношении этого примера можно поставить справедливый вопрос: каким будет отношение Матроны к Тусовщице? Каким будет её описание самой себя в пору молодости? С точки зрения психологического подхода, перед нами две разные личности, однако Шехтман отрицает подобное понимание, ссылаясь на то, что личное тождество (каким его видел Локк) является «глубокой, феноменологической связью между разными частями жизни» [11, р. 166]. Представляется очевидным, что в рамках нарративного подхода Матрона будет рассматривать своё текущее состояние как нечто, к чему она стремилась будучи Тусовщицей. И хотя, с точки зрения как внутреннего состояния, так и внешнего поведения, мы можем говорить о разных личностях, в рамках рассказа они будут связаны между собой определённой жизненной целью, что позволяет нам говорить о тождестве Матроны и Тусовщицы;

3) представляется очевидным, что, если человек осознаёт свои действия в прошлом и связывает их со своим настоящим или будущим состоянием, он неизбежно будет уделять разную степень внимания тем или иным событиям своей внешней или внутренней жизни. Если вернуться к примеру Шехтман, стоит заметить, что Матрона, описывая жизнь Тусовщицы, будет располагать определённой перспективой произошедших событий, а значит, будет склонна упоминать только о тех обстоятельствах своей жизни, которые важны в рамках её текущего нарратива. Наличие подобной перспективы и служит главным требованием, предъявляемым к конструкции нарратива, поскольку именно благодаря этому образуется то, что Дэниел Деннет называет «центром нарративной гравитации» [12, с. 122.], — т.е. искомая нами личность, или «Я» автора рассказа.

В этой связи может возникнуть ряд возражений. Во-первых, вполне очевидно, что нарратив Матроны о Тусовщице будет отличаться от нарратива

Тусовщицы о самой себе. Во-вторых, если мы соглашаемся с нарративом Матроны, он также очевидным образом будет проблематичен из-за разницы акцентов и возможных утаиваний, вызванных самой изменившейся жизненной перспективой её рассказа. Однако эти возражения легко снимаются самим антиреалистическим настроением нарративного подхода. Действительно, не трудно убедиться в том, что Тусовщица и Матрона являются разными личностями с различным социальным поведением и набором внутренних ценностей, качеств и т.д.⁴. Но, благодаря наличию правдоподобного нарратива, мы можем связать эти различные психологические качества в единую и цельную личность. Что касается самой правдоподобности, она может быть проверена как другими нарративами, так и подлинными фактами⁵ [14, с. 190].

2. Экзистенциализм и нарративный подход. Одним из первых философов, высказавших маргинальную мысль о сконструированности личности посредством текста, был Фридрих Ницше. В своих дневниках он составил план идеального сочинения, которое не должно содержать местоимения «Я» [15, S. 400]. Стратегия, которую разрабатывает для своей книги Ницше, близка примерам Витгенштейна, только место объектных слов-строителей здесь занимают приказы и эрзац-слова [15, S. 401]. Слово бы предугадывая огромное внимание аналитических философов к обыденному языку, Ницше постоянно занимается его обличением: «слова оглушают, деперсонализируют, слова делают необычное обычным» [цит. по: 16, с. 150; **курсив мой.** — Р. К.]. Признавая ущербность личностного понимания созданных им автобиографических нарративов, он пишет в письме к Лу Соломе: «что-то я ношу в себе, чего нельзя почерпнуть из моих книг» [17, с. 180]. В наиболее личном для себя нарративе он проводит чёткое разделение, напоминающее о пропасти между нарративно-языковой личностью и действительной личностью с её аутентичным опытом⁶. Эта пропасть во многом связана с тем, что можно обозначить как «слабое» понятие личности, именно с ним и связана линия проблематизации нарратива, которую можно заметить в экзистенциализме⁷: собственная личность мыслится экзистенциалистами иначе, чем это позволяет обычное автобиографическое описание. Они признают необходимость создания «центра нарративной гравитации», однако его неустраняемая проблематичность заключается в излишней эгологичности, когда в силу грамматических привычек мы склонны домысливать фигуру субъекта, стоящего «за» нарративом, чтобы приписать ей авторство⁸. Взамен экзистенциализм предлагает иное, альтернативное нарративному подходу понимание личности, ведь, как метко заметил Михаэль Хампе, «...рассказы затрагивают наш опыт, а не теории» [25, с. 247]. С точки зрения экзистенциализма, удачный нарратив включает себя не столько описания конкретных событий и характеристик, сколько опыт единичного существа, которое осознаёт разницу между своей текущей (во многом языковой) перспективой и никогда не переживаемым заново экзистенциальным событием. Именно это обстоятельство позволяет экстраполировать пример Матроны-Тусовщицы на любую фактическую личность. Принимая представление о личности как об экзистенциально-аутентичном проекте, мы соглашаемся с наличием множества личностей, сменяющих друг друга с течением времени. Важное отличие есть и в телеоло-

гическом представлении о личности: если в рамках нарративной теории тождества мы обнаруживаем предписание «стань той личностью, которая ты есть», в экзистенциализме скорее находим настоятельную рекомендацию «стань тем, что ты есть». Другими словами, мы всегда можем пересмотреть своё собственное понимание личности, что неизбежно повлечёт за собой изменение и представлений о её тождестве. Следовательно, основная задача нашего личного нарратива должна состоять в актуализации этой возможности, именно с ней были связаны нарративные стратегии, к которым прибегали Августин, Кьеркегор и Ницше, для описания того, что ими мыслилось как «Я» и что не могло быть описано в рамках привычной автобиографической нарративной стратегии.

Мы будем использовать термин «гетеро-эго-графия» в качестве противоположности привычному создающему личность эгологическому нарративу, или «авто-эго-графии». Это необходимо, чтобы подчеркнуть отличие процессов конструирования нарративов в рамках экзистенциальной философии от того, что обычно понимается под нарративом. Основное отличие между ними состоит в том, что обычные нарративные схемы в большинстве своём представляют попытки построения некой связанной теории — (авто)биографии, в то время как в гетеро-эго-графии речь скорее идёт о наборе конкретных высказываний, опытов и переживаний, которые имеют куда более автономный статус, чем простые повествовательные отображения субъекта в конкретный момент времени⁹. Более того, если мы принимаем тезис, что личность может быть едина и тождественна себе только для стороннего наблюдателя¹⁰, нам также следует согласиться, что рассказ представляет собой некий живой опыт, который некогда переживался так, как может не переживаться сейчас, и скорее всего то, как именно он переживался, уже даже не может быть высказано. Без наличия феноменологической связи личности P_1 с её собственным прошлым P_2 простое описание фактов позволяет лишь согласовать их характеристики, описав переход из одного состояния в другое, но это не объясняет нам, что значит *быть* личностью P_1 . Личность P_1 является, например, философом, не по причине того, что она описывает себя как философа, но потому что бытие философом являются практикой её мира (формой жизни по Людвигу Витгенштейну) или, говоря словами хайдеггер-рианской философии, она оказывается *вовлечена* в определённый проект себя как философа. Факты о жизни личности P_1 , как ранее уже упоминалось, можно разделить на простые знания «*что?*» (например, даты публикации статей за её авторством), которые имеют публичный характер, и аутентичный опыт «*как?*» (т.е. непосредственный опыт написания материала). Немного перефразировав Витгенштейна, можно было бы сказать: «Мы чувствуем, что, даже когда даны ответы на все возможные фактические вопросы, наши жизненные проблемы остаются даже не затронутыми» [ср. с этим: 28, с. 218]. В отличие от экзистенциализма, нарративный подход за счет акцента на характеристиках, которой он стремится подменить процессы реидентификации, скорее мешает определению себя как себя. Здесь и возникает сложность, поскольку, с одной стороны, авто-эго-графия заставляет нас судить о «центре нарративной гравитации», о личности, в её «сильном» онтическом понимании, под которое она не подпадает в её «слабом» экзистенциально-

аналитическом толковании, с другой стороны, гетеро-эго-графия представляет собой скорее экзегетику, нежели привычный нам нарратив, и хотя такой подход, безусловно, ближе подбирается к неэгологическому описанию личности(-ей), он, очевидно, не может являться основанием для суждений о личном тождестве. Интенциональный характер такой «слабой» личности, чьё существование всегда есть «бытие-к», подсказывает нам, что даже если тождество здесь сохраняется, его и не следует рассматривать как *ультимативный* вопрос. В случае наличия серии сменяющих друг друга «слабых» личностей мы не можем в полном правом говорить о тождестве т.е. такой вопрос не должен нами рассматриваться как имеющий однозначный ответ «да» или «нет». И хотя нарративный подход и был нами выбран по причине «слабого тождества» (вместо реидентификации личности здесь предлагается её характеристика), в силу грамматической природы «Я»¹¹ он все же побуждает говорить о личности в её «сильном» понимании, даже несмотря на возражения сторонников данного подхода, в особенности Деннета [31]. Недостатки нарративного подхода проистекают из его преимуществ: нарратив не может основываться на неэгологическом понимании личности, а значит, и сама такая личность не может быть в нём представлена. Следовательно, искомое тождество должно включать в себя скорее личность в её «слабом» экзистенциально-аналитическом понимании, именно этот вариант тождества личности можно обнаружить в работах одного из классиков психологической теории — Дерекы Парфита.

3. Тождество личности и психологический подход. Психологический подход можно лаконично представить следующим образом: личность P_2 тождественна личности P_1 , если они *психологически преемственны* (psychological continuity) друг другу. Популярность данного подхода во многом объясняется его происхождением, он был предложен «отцом» исследований по личному тождеству — Локком. Заимствуя из юридической практики термин «личность», Локк стремился доказать справедливость наказания по отношению к конкретной личности, но для этого необходимо было иметь ответ на вопрос: как связать личность P_1 , совершившую преступление в момент t_1 , и личность P_2 в последующий момент времени t_2 ? В качестве такого способа, позволяющего соотносить двух, казалось бы, разных людей, Локк выбирает критерий памяти как основание для идеи тождества личности. Предвосхищая возможные контраргументы (такие, как сон, амнезия, и т.д.) он трактует нашу память как способность соотносить себя со своим прошлым и сознавать совершенные там действия как свои собственные. Однако основанный на критерии памяти психологический подход даже с подобными уточнениями оставался открытым для критики. Наиболее интересным возражением считается контраргумент, предложенный Томасом Ридом: допустим, что заслуженный генерал P_{13} помнит о своей молодости капитаном P_{12} и то, как в этот период своей жизни он героически захватил вражеский флаг, однако он совершенно не помнит о том, как в школьную пору P_{11} его высекли розгами за воровство яблок. Пример подобной амнезии рассматривается самим Локком; он уточняет, что память не является субстанцией, а значит, её «повреждение» не ведёт к утрате тождества [1, с. 388]. Но в примере Рида храбрый капитан помнит о наказании за воровство, поэтому

и получается парадоксальная ситуация: школьник P_{11} = капитану P_{12} , генерал P_{13} = капитану P_{12} , но школьник $P_{11} \neq$ генералу P_{13} [32, р. 397]. Этот контраргумент и ряд других возражений вынудили сторонников современного неолоккианского подхода основывать тождество личности не на смутных связях личной памяти, но на непрерывности самих психических процессов. Проблема потери памяти и транзитивного характера отношений тождества, таким образом, остаются ключевыми вопросами для современного психологического подхода. Довольно радикальным контраргументом против такого подхода служит мыслительный эксперимент Гая Фокса, предложенный Бернардом Уильямсом, продвигнувшим дискуссии по личному тождеству намного дальше границ, намеченных первыми критиками Локка. Уильямс использовал свой эксперимент как возражение против психологического подхода, поскольку в его примере обладать воспоминаниями Гая Фокса могли одновременно сразу несколько человек (два брата — Чарльз и Роберт). Однако этот контраргумент был интересным образом в интересах психологического подхода модифицирован Парфитом.

В своих исследованиях Парфит опирается на пример так называемой «операции Уиггинса» [33, р. 22; 34, р. 50], суть которой можно передать следующим образом: мозг человека P делится на две части и помещается в головы двух разных человеческих тел, условно называемых по полушариям, которые им достались, — P_1 «Правшой» и P_2 «Левшой». Мы привыкли считать, что вопрос о тождестве важен не только для моральной ответственности, но и для выживания личности. Поэтому в этом примере нас интересует вопрос «выжил ли P ?», ответ на который будет свидетельствовать о том, есть ли здесь после операции личность, тождественная прежней. Очевидно, что есть четыре возможных ответа на данный вопрос: (1) личность P не выживает после операции Уиггинса; (2) она выживает лишь как P_1 «Правша»; (3) она выживает лишь как P_2 «Левша»; (4) либо она одновременно выживает и как P_1 «Правша», и как P_2 «Левша». Выбор ответа (1) означал бы поставить знак равенства между смертью в обычных обстоятельствах и операцией Уиггинса. Однако если рассматривать операцию по пересадке мозга с сохранением всех воспоминаний и привычек присущих личности, такой ответ был бы абсурдным. Если в случае операции Уиггинса происходит успешный перенос психики, характера и воспоминаний личности P из одного тела в другое, как мы можем говорить о смерти? Проблема с ответами (2) и (3) заключается в том, что в нашем распоряжении не может быть очевидного критерия для выбора одной из двух идентичных друг другу личностей — P_1 «Правши» и P_2 «Левши». Поэтому нам не остается ничего иного, кроме как принять ответ (4), признав вслед за Парфитом, что мы выживаем как две отдельные личности сразу. Подобный ответ кажется нам контринтуитивным, ведь мы привыкли полагать тождество как отношение один-к-одному (что, например, происходит при «обычной» пересадке мозга без его деления на полушария). Однако этот ответ позволяет опровергнуть контраргумент Уильямса, поскольку он указывает, что именно в случае психологической преемственности способно служить критерием для тождества личности, показывая нам, что тождество может быть отношением один-ко-многим (one-many relation). Основное возражение здесь, как считает Парфит, заключается

в нашей приверженности идее выживания, требующей «сильного» тождества личности, поскольку такая идея тесно связана с идеей *важности* личности. Но каким образом можно доказать обратное? Очевидно, что локкеанская личность желает своего выживания, поскольку полагает, что будущее выжившей личности будет её *собственным* будущим, так же как посредством памяти этой личности принадлежит её прошлое. Рассматривая выживание личности как вопрос отношений один-ко-многим, Парфит и Сидни Шумейкер [35; также см.: 36] предлагают обратить внимание на особый вид памяти, которая способна хранить воспоминания, не являющиеся моими собственными, обозначая его как квази-память или q -память. Если мы можем допустить, что личность знает о возможном наличии у неё подобных воспоминаний, она уже не будет однозначно воспринимать имеющиеся у нее воспоминания как свои собственные. Обращаясь к таким воспоминаниям, личность, как пишет Парфит, будет способна осмысленно произнести: «Кто-то, — вполне вероятно я — сделал это» [37, с. 99]. Возможно, что именно так P_1 «Правша» и P_2 «Левша» будут оценивать действия своей донорской личности P . Наряду с подобными q -воспоминаниями они также будут обладать и q -намерениями, которые они, вполне возможно, будут намереваться осуществить в своем будущем. Например, одна из личностей P_1 «Правша» продолжит карьеру философа, а другая P_2 «Левша», напротив, поступит на медицинский факультет. Оба случая будут лишь продолжением жизни донорской личности P , разветвлённая структура психологической преемственности позволит выжившим личностям унаследовать определённые черты донорской личности P , являясь при этом отдельными от нее личностями в смысле отношений тождества. Выживание личности, рассматриваемое как отношение q -памяти и q -намерений между двумя личностями, является идеальным способом продемонстрировать более гибкий «слабый» смысл тождества личности. Отрицание важности личности¹² позволяет нам рассматривать свои предшествующие и последующие состояния не просто по отношению к себе самим, но как вполне самостоятельные личности, с которыми я могу частично совпадать (т.е. мы могли бы осмысленно сказать о них — «одно из моих прошлых/будущих Я») или же различаться кардинально (в случаях, когда речь идет об «одном из моих далёких Я», «едва ли Я» и т.д.). Это нельзя рассматривать как привычное «сильное» тождество, но лишь как выживание, понимаемое как *отношение степени* между двумя личностями¹³. Ключевыми переживаниями для таких личностей будут q -перцепции. Иными словами, личность здесь можно представить как ряд сменяющихся друг друга аффектов, и вопрос о тождестве будет означать степени их сохранения, позволяя говорить о «слабом» смысле личного тождества в случае наших впечатлений, показывая также, что даже пучок-перцепций Дэвида Юма может наследоваться личностями в качестве q -аффектов.

Мысленные эксперименты Парфита, безусловно, являются яркими иллюстрациями многих наших интуитивных представлений о себе, но следует понимать, что они скорее относятся к области научной фантастики, чем к действительным возможностям нашего существования. Однако экзистенциальная ценность подобных мысленных экспериментов заключается в том, что они открывают нам понимание человеческой личности как аутен-

тичного проекта, поскольку в ситуациях «смерти» части проекта, т.е. закрытии одних актуальных возможностей ради других, мы не можем говорить о «смерти» личности, поскольку в каждом своем жизненном проекте она в определенной степени все же выживает. К таким выводам подталкивает и позиция самого Парфита, для которого вопросы личности и личного тождества являются составной частью его оригинальной моральной философии. Парфитанская личность сохраняет подобия тождества за счёт *заботы* о будущем своих психологически преемственных личностей. Мы видим, что «сильный» смысл тождества (как отношения один-к-одному), предложенный Локком, ориентируется прежде всего на справедливость наказания. Поэтому локкеанская личность должна заботиться о себе самой, что, как следствие, ведёт нас к принципу рационального эгоизма. Однако если метафизическое основание в виде личности, обладающей таким «сильным» тождеством, отсутствует, эгоизм теряет свою привлекательность. Взамен мы получаем особого рода альтруизм: личность должна заботиться о том, чтобы в будущем выжил кто-то похожий на неё саму, как если бы это был её собственный жизненный проект в будущем.

Взгляды Парфита и экзистенциальных философов показывают не только проблематичность привычного описания личности как фиктивного нарративного единства, но также предлагают нам обратить внимание на другой, возможно, более аутентичный для наших личностей способ существования. Вопреки проповедуемой Локком юридической и эгоцентрической строгости неэгологическая личность способна обладать собственной моралью, которая ничуть не менее требовательна по отношению к человеческому существу и обстоятельствам проживаемой им жизни.

Примечания

¹ Историю данного понятия можно найти в [2]. Отметим только, что ранее понятие «личность» использовалось Боэцием, предложенная им формулировка этого понятия отличалась от локковской, однако она также обладала определенными юридическими коннотациями [например, см.: 3].

² Подобный взгляд можно найти, например, в [4]. Среди известных сторонников нарративного подхода можно выделить Дэниела Деннета, Алесдера Макинтайра, Марию Шехтман, Кима Эткинза, и др. Среди других современных подходов к проблеме личного тождества обычно выделяют психологический, биологический, а также более классический субстанциональный.

³ Американский психолог Теодор Сарбин прямо утверждает, что структурирование нашего индивидуального опыта в форме нарратива является фундаментальной способностью человеческой природы [5]. Однако более популярной точкой зрения является взгляд на вторичность «природы человека» как личности по отношению к нарративу, в котором эта личность появляется [6, p. 418; 7, с. 185].

⁴ Как возможное следствие мы можем представить одного человека как серию сменяющих друг друга личностей, этот момент отмечал ещё Томас Нагель: «Привычное упрощенное представление о человеке как об одной-единственной личности, вероятно, когда-нибудь станет странным» [13, p. 411].

⁵ Некоторыми исследователями принято различать грамматические и нарративные стратегии конструирования «Я», однако им можно возразить, что нарратив является явлением во многом вторичным по отношению к грамматике языка, на котором он излагается.

⁶ Этот нюанс обсуждается в работах известного исследователя нарратива Фрэнка Анкерсмита: «Между языком и опытом невозможно никакого компромисса, победа одного оборачивается неизбежным поражением другого. Поистине, они являются смертельными врагами: там, где есть язык, опыта нет, и наоборот. Мы владеем языком, чтобы у нас не было опыта, чтобы остерегаться опасностей и страхов, обычно вызываемых опытом; язык — это щит, ограждающий нас от ужасов прямого контакта с миром, который происходит в опыте. Язык дает нам образ мира, но как таковой он может предложить лишь тень тех ужасов, которые наполняют мир, и — тех опасностей, которые этот мир может провоцировать. Язык, символический порядок, позволяет нам избегать затруднений, вызываемых прямым столкновением с миром, который дается нам в опыте» [18, с. 33]. В работах Сёрена Кьеркегора также можно обнаружить похожие высказывания: «Язык становится совершенным средством как раз в тот момент, когда все чувственное в нем отрицается» [19, с. 95; ср. с этим также: 20].

⁷ Более подробный анализ идей Кьеркегора и Августина см. [21].

⁸ Подобная маргинальная идея позднее станет одной из центральных в (пост)структурализме [например, см.: 22; 23; ср. с этим также: 24].

⁹ К похожему пониманию, например, приходит Тони Фишер, когда указывает, что «явление, которое Хайдеггер обозначает как «Я» Dasein, в конечном счёте, не сводится к набору убеждений, ценностей и норм, т.е. составных частей истории, через которую оно себя описывает, характеризуя себя как «кого-то»» [26, p. 264].

¹⁰ «Мы по собственному опыту прекрасно знаем, что личность едина и тождественна себе только извне и в чужих глазах» [27, с. 160].

¹¹ Помимо самих экзистенциалистов похожие взгляды можно обнаружить в работах Людвиг Витгенштейна и Элизабет Энском [29, p. 37–56]. Также на «грамматическую природу» личного тождества указывал ещё один известный сторонник неэгологического понимания личности — Дэвид Юм [30, с. 76].

¹² Из-за этого Дерек Парфита иногда даже рассматривают как представителя отдельного нигилистического направления в рамках психологического подхода [например, см.: 38]. Хотя такая оценка противоречит его оригинальным взглядам Парфита: «Весь наш опыт можно было бы попытаться представить полностью “безличным” образом. Я не стану здесь этого делать. Я лишь попытаюсь описать способ мышления о нашем собственном тождестве во времени, который является более гибким и менее вводящим в заблуждение, чем тот способ, который мы привычно используем сейчас» [37, с. 100].

¹³ Дерек Парфит, в частности, рассматривает различные варианты подобных q-отношений [37, с. 100].

Библиографический список

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Под ред. И. С. Нарского // Сочинения. В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
2. Rorty A. O. The Identities of Persons. Berkeley: University of California Press, 1976. 340 p. DOI: 10.2307/2184910.
3. Вдовина Г. В. Интенциональная жизнь и тождество личности в схоластике XVII в. // Субъективность и идентичность: коллектив. моногр. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 101–117.
4. Heersmink R. Distributed Selves: Personal Identity and Extended Memory Systems // Synthese. 2017. Vol. 194, Issue 8. P. 31–36. DOI: 10.1007/s11229-016-1102-4.
5. Sarbin T. R. The narrative as a root metaphor for psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. NY: Praeger, 1986. P. 3–21.

6. Dennet D. *Consciousness Explained*. Boston, Massachusetts: Little Brown and Co, 1991. 528 p. ISBN 0-316-18065-3. DOI: 10.2307/2185913.
7. Левин С. М. Нарративный подход: фикция и реальность // *Философский журнал*. 2018. Т. 11, № 3. С. 184–187. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-3-184-187.
8. Волков Д. Б. Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности // *Философский журнал*. 2018. Т. 11, № 3. С. 166–175. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-3-166-175.
9. Schechtman M. *The Constitution of Selves*. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 192 p. ISBN 978-0801474170.
10. Schechtman M. *Empathic Access: The Missing Ingredient in Personal Identity* // *Philosophical Explorations*. 2001. Vol. 4, Issue 2. P. 95–111. DOI: 10.1080/10002001058538710.
11. Schechtman M. *Stories, Lives, and Basic Survival: A Refinement and Defense of the Narrative View* // *Royal Institute of Philosophy Supplements*. 2007. Vol. 60. P. 155–178. DOI: 10.1017/s1358246107000082.
12. Деннет С. Д. Почему каждый из нас является новеллистом // *Вопросы философии*. 2003. № 2. С. 121–130.
13. Nagel T. *Brain bisection and the unity of consciousness* // *Synthese*. 1971. Vol. 22, Issue 3-4. P. 396–413. DOI:10.1007/BF00413435.
14. Волков Д. Б. Ответ оппонентам // *Философский журнал*. 2018. Т. 11, № 3. С. 188–190. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-3-188-190.
15. Nietzsche F. *Nachgelassene Fragmente 1885–1887. Band 12* // *Sämtliche Werke: kritische Studienausgabe*. In 15 Bänden. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999. 582 S.
16. Данто А. Ницше как философ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2001. 280 с.
17. Ницше Ф. *Письма* / пер с нем. И. А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2007. 400 с.
18. Анкерсмит Ф. Р. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Европа, 2007. 612 с. ISBN 978-5-9739-0127-1.
19. Кьеркегор С. Или-или. Фрагменты из жизни. СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной академии: Амфора, 2001. 823 с. ISBN 978-5-367-02005-2.
20. Hale G. A. *Kierkegaard and the Ends of Language*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. 214 p.
21. Кочнев Р. Л. Аналитика экзистенциального: трагедия личности // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2019. Т. 4, № 2. С. 87–93. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-87-93.
22. Барт Р. *Смерть автора* // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 384–391.
23. Фуко М. *Что такое автор?* // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.: Магистериум: Касталь, 1996. С. 7–47. ISBN 5-85374-006-7.
24. Burke S. *The Death and Return of the Author: Criticism and Subjectivity in Barthes, Foucault and Derrida*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1993. 199 p.
25. Хампе М. *Учения философии. Рассказывать vs. Утверждать*. М.: Логос, 2016. 392 с. ISBN 978-5-422-40010-2.
26. Fisher T. *Heidegger and the narrativity debate* // *Continental Philosophy Review*. 2010. Vol. 43, Issue 2. P. 241–265. DOI: 10.1007/s11007-010-9141-x.
27. Валери П. Декарт / пер. И. С. Разумовского // *Вопросы философии*. 2005. № 12. С. 151–168.
28. Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. М.: Канон+, 2011. 288 с.
29. *Collected Philosophical Papers*. Vol. 2. *Metaphysics and the Philosophy of Mind* / by Ancombe G.E.M. University of Minnesota Press, 1981. 237 p.
30. Dennett D. *Kinds of minds*. NY: Basic Books, 1997. 184 p. ISBN 0465073514, 978-0465073511.
31. Юм Д. *Трактат о человеческой природе* // *Сочинения*. В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1. 733 с. ISBN 5-244-00763-7.
32. Reid T. *Essays on the Intellectual Power of Man*. Dublin: Printed for L. White, 1786. Vol. 1. 424 p.
33. Shoemaker S. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca: Cornell University Press, 1963. 276 p.
34. Wiggins D. *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p.
35. Shoemaker S. *Persons and Their Pasts* // *American Philosophical Quarterly*. 1970. Vol. 7, no. 4. P. 269–285.
36. Penelhum T. *Personal Identity* // *Encyclopedia of Philosophy*. NY: Macmillan, 1967. Vol. 6. P. 95–107.
37. Парфит Д. *Тождество личности = Parfit D. Personal Identity* / пер. с англ. Р. Л. Кочнева // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2019. Т. 4, № 2. С. 94–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107.
38. Гаспаров И. Г. Парфит и нигилизм относительно личного тождества // *Analytica*. 2007. № 1. С. 10–36.

КОЧНЕВ Роман Леонидович, аспирант кафедры «История, философия и социальные коммуникации».

SPIN-код: 7887-8053

AuthorID (РИНЦ): 961891

Адрес для переписки: r-kochnev@mail.ru

Для цитирования

Кочнев Р. Л. Повесть о настоящем человеке: тождество личности и экзистенциализм // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2020. Т. 5, № 1. С. 95–102. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-95-102.

Статья поступила в редакцию 28.12.2019 г.

© Р. Л. Кочнев

THE STORY OF NON-REAL MAN: PERSONAL IDENTITY AND EXISTENTIALISM

The article analyzes the concept of personality, how it can be formulated within the framework of existential philosophy; from this perspective, the narrative theory of personality identity is criticized. An alternative description of the personality is proposed, which will be satisfactory for both analytical and existential thought.

Keywords: personal identity, narrative theory, autobiography, analytical philosophy, existentialism, Locke, Parfit.

Reference

1. Locke J. Opyt o chelovecheskom razumenii [An Essay Concerning Human Understanding] // Sochineniya. V 3 t. [Works. In 3 vols.] / Ed. I. S. Narskiy. Moscow: Mysl' Publ., 1985. Vol. 1. 621 p. (In Russ.).
2. Rorty A. O. The Identities of Persons. Berkeley: University of California Press, 1976. 340 p. DOI: 10.2307/2184910. (In Engl.)
3. Vdovina G. V. Intentsional'naya zhizn' i tozhdestvo lichnosti v skholastike XVII v. [Intentionality of life and personal identity in scholastic of XVII] // Sub'yektivnost' i identichnost' [Subjectivity and Identity]. Moscow, 2012. P. 101–117. (In Russ.).
4. Heersmink R. Distributed Selves: Personal Identity and Extended Memory Systems // Synthese. 2017. Vol. 194, Issue 8. P. 31–36. DOI: 10.1007/s11229-016-1102-4. (In Engl.).
5. Sarbin T. R. The narrative as root metaphor for psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. NY.: Praeger, 1986. P. 3–21. (In Engl.).
6. Dennet D. Consciousness Explained. Boston, Massachusetts: Little Brown and Co, 1991. 528 p. ISBN 0-316-18065-3. DOI: 10.2307/2185913. (In Engl.).
7. Levin S. M. Narrativnyy podkhod: fiktsiya i real'nost' [Narrative view: fictional and reality] // Filosofskiy zhurnal. *The Philosophy Journal*. 2018. Vol. 11, no. 3. P. 184–187. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-3-184-187. (In Russ.).
8. Volkov D. B. Preimushchestva narrativnogo podkhoda k probleme tozhdestva lichnosti [Benefits of a narrative approach to personal identity] // Filosofskiy zhurnal. *The Philosophy Journal*. 2018. Vol. 11, no. 3. P. 166–175. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-3-166-175. (In Russ.).
9. Schechtman M. The Constitution of Selves. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 192 p. ISBN 978-0801474170. (In Engl.).
10. Schechtman M. Empathic Access: The Missing Ingredient in Personal Identity // Philosophical Explorations. 2001. Vol. 4, Issue 2. P. 95–111. DOI: 10.1080/10002001058538710. (In Engl.).
11. Schechtman M. Stories, Lives, and Basic Survival: A Refinement and Defense of the Narrative View // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2007. Vol. 60. P. 155–178. DOI: 10.1017/s1358246107000082. (In Engl.).
12. Dennet S. D. Pochemu kazhdyj iz nas yavlyaetsya novellistom [Why we are all novelist] // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. 2003. No. 2. P. 121–130. (In Russ.).
13. Nagel T. Brain bisection and the unity of consciousness // Synthese. 1971. Vol. 22, Issue 3-4. P. 396–413. DOI: 10.1007/BF00413435. (In Engl.).
14. Volkov D. B. Otvet opponentam [A reply to critics] // Filosofskiy zhurnal. *The Philosophy Journal*. 2018. Vol. 11, no. 3. P. 188–190. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-3-188-190. (In Russ.).
15. Nietzsche F. Nachgelassene Fragmente 1885–1887. Band 12 // Sämtliche Werke: kritische Studienausgabe. In 15 Bänden. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999. 582 S. (In Germ.).
16. Danto A. Nicshe kak filosof [Nietzsche as Philosoph]. Moscow, 2001. 280 p. (In Russ.).
17. Nietzsche F. Pis'ma [Letters]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya Publ., 2007. 400 p. (In Russ.).
18. Ankersmit F. R. Vozvysheennyj istoricheskij opyt [Sublime historical experience]. Moscow: Evropa Publ., 2007. 612 p. ISBN 978-5-9739-0127-1. (In Russ.).
19. Kierkegaard S. Ili-ili. Fragmenty iz zhizni [Either/or. A Fragment of Life]. St. Petersburg, 2001. 823 p. ISBN 978-5-367-02005-2. (In Russ.).
20. Hale G. A. Kierkegaard and the Ends of Language. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. 214 p. (In Engl.).
21. Kochnev R. L. Analitika ekzistentsial'nogo: tragediya lichnosti [Analytic of the Existential: Tragedy of Personality] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 2. P. 87–93. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-87-93. (In Russ.).
22. Bart R. Smert' avtora [Death of the Author] // Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, 1994. P. 384–391. (In Russ.).
23. Foucault M. Chto takoe avtor? [What Is an Author?] // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Moscow, 1996. P. 7–47. ISBN 5-85374-006-7. (In Russ.).
24. Burke S. The Death and Return of the Author: Criticism and Subjectivity in Barthes, Foucault and Derrida. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1993. 199 p. (In Engl.).
25. Hampe M. Ucheniya filosofii. Rasskazyvat' vs. Utverzhdat' [Philosophy teachings: tell vs argue]. Moscow: Logos Publ., 2016. 392 p. ISBN 978-5-422-40010-2. (In Russ.).
26. Fisher T. Heidegger and the narrativity debate // Continental Philosophy Review. 2010. Vol. 43, Issue 2. P. 241–265. DOI: 10.1007/s11007-010-9141-x. (In Engl.).
27. Valéry P. Dekart [Descartes] / Trans. I. S. Razumovskiy // Voprosy filosofii. *Problems of Philosophy*. 2005. No. 12. P. 151–168. (In Russ.).
28. Wittgenstein L. Logiko-filosofskij traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: Kanon+, 2011. 288 p. (In Russ.).

29. Collected Philosophical Papers. Vol. 2. Metaphysics and the Philosophy of Mind / by Ancombe G.E.M. University of Minnesota Press, 1981. 237 p. (In Engl.).
30. Dennett D. Kinds of minds. NY: Basic Books, 1997. 184 p. ISBN 0465073514, 978-0465073511. (In Engl.).
31. Hume D. Traktat o chelovecheskoy prirode [A Treatise of Human Nature] // Sochineniya. V 2 t. [Works. In 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1996. Vol. 1. 733 p. ISBN 5-244-00763-7. (In Russ.).
32. Reid T. Essays on the Intellectual Power of Man. Dublin: Printed for L. White, 1786. Vol. 1. 424 p. (In Engl.).
33. Shoemaker S. Self-Knowledge and Self-Identity. Ithaca: Cornell University Press, 1963. 276 p. (In Engl.).
34. Wiggins D. Identity and Spatio-Temporal Continuity. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p. (In Engl.).
35. Shoemaker S. Persons and Their Pasts // American Philosophical Quarterly. 1970. Vol. 7, no. 4. P. 269–285. (In Engl.).
36. Penelhum T. Personal Identity // Encyclopedia of Philosophy. NY: Macmillan, 1967. Vol. 6. P. 95–107. (In Engl.).
37. Parfit D. Tozhdestvo lichnosti [Personal Identity] / trans. from Engl. R. L. Kochnev // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2019. Vol. 4, no. 2. P. 94–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107. (In Russ.).
38. Gasparov I. G. Parfit i nigilizm otnositel'no lichnogo tozhdestva [Parfit and nihilism about personal identity] // *Analytica. Analytica.* 2007. No. 1. P. 10–36. (In Russ.).

KOCHNEV Roman Leonidovich, Graduate Student of History, Philosophy and Social Communications Department.

SPIN-code: 7887-8053, AuthorID (RSCI): 961891

Address for correspondence: r-kochnev@mail.ru

For citation

Kochnev R. L. The Story of Non-real Man: personal identity and existentialism // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2020. Vol. 5, no. 1. P. 95–102. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-95-102.

Received December 28, 2019.

© R. L. Kochnev